

Культура
1999. - 22-28
арт. - с. 12.

Сначала посадят в тюрьму, а потом дадут "Оскара"

Из воспоминаний о Георгии Буркове

Не так давно в издательстве "Вагриус" вышла книга дневников Георгия Буркова, подготовленная к печати его женой Татьяной. Они всегда были вместе. Вместе учили из театра в 80-м, после этого были МХАТ, Театр Пушкина, создание Центра им. Шукшина, съемки в кино. Мы работали вместе, я бывал у них дома на Фрунзенской, на даче за Загорском. Конечно, мы очень часто говорили о Георгии Ивановиче.

— Сейчас Жоре было бы 65 лет — не так уж много, а уже 8 лет как его нет. Казалось, это авантюрная затея, издать его записки и дневники, а я была одержима этой идеей. Но когда поняла, что она вот сейчас появится, эта книга, мне стало страшно, потому что настолько сейчас по-другому живут люди, думают по-другому, у них другие цели, даже речь поменялась.

Я — актриса, и вижу, что по-иному подходят сейчас к работе в театре. А он относился к профессии, как к науке. Делал открытия, проводил исследовательскую работу. Его осуждали за переходы из театра в театр, говорили, что он — предатель, непоследователь. Теперь ясно, что это не так. Он искал благоприятное место для своих творческих исследований. Может, даже он рано с этим пришел в искусство, потому что не был понят до конца. На него многие режиссеры обижались. Он играл много, работал и вдруг раз — и уходит, как это объяснить? Он не мог отдавать годы жизни на неизвестность, которую многие любят в театре, потому как на этом болоте можно долго продержаться, а его как раз это и угнетало. Ему нужна была чистая вода. Он рано понял несостоятельность театральной системы, она действительно дикая была, да и остается, но хоть сейчас нет этих сдвиг спектаклей, обсуждений в управлении культуры, что можно ставить, что нельзя. Он искал театр благоприятный, и надо было, как он в итоге понял, создавать свое культурное движение. Ему немного не хватало времени, потому что уже в 91 — 92-м годах это было бы проще. А он начинал создавать свой центр с 88-го года и два года бился — до инфаркта. И перед самой смертью — он умер в июле, — в апреле или мае, подписали необходимые бумаги. Но ведь это же "хождение Ивана-дурака за справкой" называлось, эти два года. Жутко.

Когда Жора уходил из МХАТа, ясно было, что он уходил не от Олега Ефремова, просто так уж сложились устремления его творческой жизни. Но как можно было даже не прислать телеграмму соболезнова-

Вверху: Г.Бурков с женой Татьяной

Внизу: Г.Бурков с дочерью

ния после Жориной смерти, мне это непонятно. Понятно одно — Ефремов обиделся, и это горько. Жора к нему очень хорошо относился, больше того, он его любил и считал его своим другом.

— В одном из недавних интервью Эльдар Рязанов вспоминал о Георгии Ивановиче как о "хитроване", народном герое-простаке.

— Хитрован... Лукавство — не основное его качество. Он меня покорило при первом знакомстве тем, что оказался человеком необыкновенно образованным. Он помнил, на какой странице у Достоевского то-то и то-то, знал древнегреческую литературу, выписывал все: "Вопросы литературы", "Вопросы истории", журналы — "Театр", "Искусство кино", "Иностранная литература", "Москва", "Нева". У него работа ума шла постоянно. Он все время хватался за бумагу и ручку, чтобы что-то важное записать, не забыть. Бежал в свой кабинет и очень нервничал, когда его отвлечали. У него было очень много литературных замыслов. Образы, которые возникали, которые он наблюдал в жизни, он хотел систематизировать и, может быть, написать романы. Тут мы разбирали с дочкой Машей архив и нашли рисунки замечательные, он хорошо рисовал. У него есть автопортреты, портреты литературных героев. Когда он готовил роль, то делал эскизы образа, над которым работал.

— Многие из тех, кто знал Георгия Ивановича, вспоминают веселые истории, "байки", которые он рассказывал.

— В Ростовской области, помню, снимали фильм "Отставной козы барабанщик". Он любил очень разговаривать с местными жителями. Там было поле, как будто разделенное невидимой полосой. С одной стороны — ухоженная земля, красивые избы, голая земля, разруха. Жора подсел к одному человеку, разговорился с ним и спрашивает: "Мужик, а что это у вас на этой стороне улицы такая нищета, а на другой такое богатство?". А тот отвечает: "Да они там лук сажают". — "А вы чего не посадите?" — "Да ну, с ним вон сколько мороки". — "Но они сажают, продают — и как хорошо живут". — "Да, хитрые. Армяне". Надо было слышать, как он это рассказывал, в его исполнении это очень смешно было. У него таких рассказов, зарисовок было очень много.

Он очень любил Новый год встречать, и он нас все время потешал. На празднике никогда не было посторонних. Мама его, Маша, я, собака... И однажды встречали этот год. Уже перед самой полночью я говорю: "Ой, Жора, а у тебя ничего нет красного и зеленого в одежде". А надо было встречать его именно в чем-то ярком. Жора исчез на не-

сколько минут и вдруг появляется в белом — кальсонах и рубашке ярко-малинового цвета и в зеленом мохеровом шарфе. Это было очень забавно.

Он очень веселый человек был, умел развлекать. Люди сейчас привыкли других своими заботами загружать. Он очень легкий был в этом плане человек. Когда ему было тяжело, он замыкался. Мы до последнего момента не знали, что он себя плохо чувствует.

Мы жили вместе 25 лет, очень скромно. И не только в материальном смысле. Жора не ходил ни в Дом кино, ни в ВТО, он не любил тусовок. Друзей как таковых у него не было. Были знакомые, масса знакомых, коллег, которые к нему хорошо относились или делали вид.

Жора не умел отношения поддерживать. Он не мог улыбаться, когда ему не хотелось. У нас не было никогда этих "нужных" людей. Жора очень стеснительный был. Занимался творчеством, но не считал нужным пойти что-то попросить, поэтому мы долго в общежитии жили, и звание он получил в 80-м году — тоже сравнительно поздно. Отснявшись в основных своих картинах и сыграв в театре Федю Протасова. Если высшая ставка в кино у таких актеров, как он, постоянно снимающихся, была 56 рублей, то у него — 28 почти до последнего дня. Он не ходил по кабинетам.

Самым тяжелым для нас был 90-й год, когда его не стало. Рухнуло все, мы оказались как в другой стране, и рядом никого. Слава Богу, получилось так, что меня и дочь взял назад Театр Станиславского. И телефон наш молчал, и никто из наших знакомых, которые часто бывали в доме и даже на поминках кричали, что "мы вас не оставим", больше не появлялся.

Жора умер, когда на бумаге был учрежден Центр культуры им. Шукшина. Так случилось, что это все перешло к Лидии Николаевне Федосеевой-Шукшиной, но перешло, конечно, без планов Жоры, без его проектов и без его идей и замыслов. У Лидии Николаевны появились, наверное, свои какие-то мысли, но это ее дело. Михаил Евдокимов предложил сделать Центр им. Буркова. В этом центре был сделан фильм, который прошел по Российскому телевидению, — "Незнакомый Бурков", очень неплохой фильм. Даже художественный фильм сделали по идее Жоры, правда, не такой, каким его задумывал Жора. Он задумал давно, еще в начале 80-х годов, сделать трилогию: "Малая халтура", "Большая халтура" и "Утопия". Удивительно, насколько пророческими были его замыслы. В то время, в начале 80-х годов, у него в набросках сценария компартия была в изгнании, герои-артисты приезжали в Россию из-за границы — из Украины, Грузии и т.д. Откуда ему было знать, что это все станет реальностью в наши дни? Он так был уверен, что эти картины снимет, и говорил: "Я обязательно это сделаю, но учти, меня посадят в тюрьму, но потом выпустят, и я получу "Оскара".

Мне очень жаль, что он не дождался внука. Родился Жора, мальчик. И, как мы наблюдаем, он очень на него похож. Дед с ним очень много занимался бы. Он вообще очень любил детей. Когда Маша была маленькая, он удивительно нежно к ней относился. Что бы она ни сделала, он никогда на нее голоса не повысил и никогда ее не принуждал к чему-то.

Он хотел покоя, тишины. Всегда говорил с любовью о провинции, имея в виду размеренный ритм жизни, отсутствие суеты, ему хотелось в это вернуться. Он посадил яблоню, очень забавно копал — как дядя цветка — ямку. Когда он ушел, я яму вырыла нормальную, пересадила деревце, и он восхитился, как он здорово посадил яблоню. Это было перед самой его смертью, и яблоня не стала расти: все растут, а она нет. На седьмой год только очухалась, а мне все говорили: "Да ты ее спиши, сухая ветка!" А я за ней ухаживала, и вот на седьмой год у нее ветки появились и одно яблоко было.

Беседу вел
Вячеслав МИЩЕНКО